

Слепой мальчик родился в приморском городе Ейске, когда до конца Двадцатого века оставалось десять лет. Родители быстро развелись, у каждого появилась новая семья, и мальчик оказался у бабушки-дедушки. Почти сирота, к тому же по медицинским показателям «тотально слепой»; могла бы быть совсем грустная история, но Бог в щелочку подсмотрел, и этого мальчика (его зовут Олег Аккуратов) как-то очень рано захватила музыка, сама к нему прибилась и продвигалась внутрь, все глубже и глубже. Музыка была не гарантией спасения, но определенно — чудом. Иначе все и объяснить трудно: в семье Олега пианистов никогда не было, дедушка работал экономистом на фабрике, бабушка — библиотекарем.

Бабушка много читала вслух — Пушкина, Лермонтова, Олег и сегодня помнит все те стихи наизусть. А дедушка ставил пластинки, внук слушал, потом шел к пианино и играл. В детстве пианино было его самой любимой игрушкой.

Пластинки у дедушки случались разные — классическая музыка, русские народные песни, романсы, джаз. И все это Олег играл на слух, сам, из себя, никто не учил.

Мальчику исполнилось четыре года, когда дедушка, узнав о специальной музыкальной школе — единственной в России — для слепых и слабовидящих детей, привез его в Армавир. На прослушивании Олег заме-

чательно играл Первый концерт Чайковского. Но со странными обрывками. Это дедушкину пластинку местами заедало, а Олег играл, как слышал.

А одна девочка родилась в Турине, когда Двадцатому веку исполнился всего год. Родители преподавали в высшей школе: отец — математику, мама — язык и литературу, потом читали лекции в Сорбонне, но музыка для них «определяла все», и девочка (ее звали Вера Лотар) стала заниматься музыкой, как говорила потом сама, «с тех пор, как себя помню». В двенадцать лет Вера уже играла с оркестром Артура Тосканини. Потом училась в Париже у великого французского пианиста Альфреда Корто. Потом влюбилась, вышла замуж за сотрудника советского торгпредства Владимира Шевченко и вместе с ним приехала в СССР. Шел 1939 год, но у Веры был любовный порыв, и никакого страха или предчувствия судьбы-беды, никаких убеждений, ни коммунистических, ни антикоммунистических, просто любовь — и ничего больше. Потом арестовали Владимира Шевченко, потом ее. Он погиб в лагерях. Она — выжила.

Альфред Корто говорил своей любимой ученице: «Для пробуждения жизни за застывшими нотами текста нужно вдыхать в эти ноты свою собственную жизнь». Вере придется это делать не отвлеченно, не образно, а очень буквально.

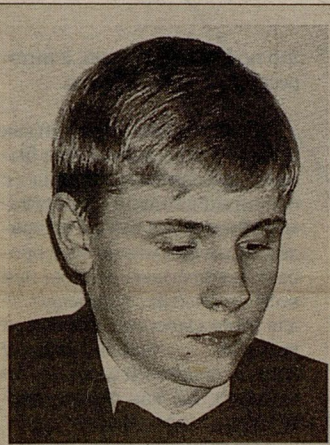
Отбывала срок в Сахалинлаге и Севураллаге. На тяжелой физической работе. И изуродованными руками на на-

За роялем — Олег Аккуратов

Слепой музыкант

Специальный
репортаж
об одном
чуде

Олег Аккуратов

Родился 21.10.1989г. в Ейске, Краснодарского края (живет в Армавире), тотально слепой. Учащийся 7-го класса специальной музыкальной школы слепых и слабовидящих детей. Педагог — А. Ю. Кудряшова.

I ТУР

Бах

Прелюдия и fuga до минор (ХТК т.II)

Черни

Этюд ля минор op.740 №8

Лист

Концертный этюд «Хоровод гномов»

Дебюсси

«Отражения в воде»

из цикла «Образы» (1-ая серия)

II ТУР

Моцарт

Соната ля минор К 310, I часть

Шопен

Баллада №2 Фа мажор op. 38

Щедрин

«Basso ostinato»

рах кухонным ножом вырезала фортепианную клавиатуру, в редкие свободные минуты безмолвно играя на этом самом необычном инструменте Двадцатого века. А солиерники, наблюдавшие ее концерты, уверяли, что слышат и понимают музыку. («Слышимые мелодии сладки, но те, неслышимые, слаще».)

Игорь Стравинский говорил, что феномен музыки дан человеку для упорядочения своих отношений со временем. Музыка — как суровый, напряженный и отражающий труд. Как «трагический мажор». Как возвышенная стыдливость страдания. Как «физическая совесть». Как ответ гармонии на дисгармонию (и ужас) бытия.

Теперь о порыве. Не о порыве как бегстве человека от самого себя, после которого — тоска, пустота, обрыв. Так свобода в возлюбленном отечестве — вся на порывах и никак не станет традицией. Философ Мераб Мамардашвили говорил, что Россия — страна вечной беременности. Все время что-то происходит, но ничего не случается. Потому что не мы сами с собой что-то делаем, а события делаются.

Вера Лотар-Шевченко никогда не пожалела о том, что приехала в Россию. Пусть советскую, пусть сталинскую, но — Россию. Она любила мужа, потом полюбила Россию. Не раз после освобождения ей предлагали вернуться во Францию. Всегда — отказывалась. Говорила: «Это было бы предательством памяти русских женщин,

помогавших мне выжить в адских условиях заключения».

Жила в Нижнем Тагиле, Барнауле, а последние шестнадцать лет — в Академгородке под Новосибирском. Если и вправду есть некая внутренняя книга, записанная в человеке самой реальностью, то во внутренней книге Веры, наверное, записано: *быть живым — быть способным к другому*. После тринадцати лет сталинских лагерей, с дико искореженными пальцами Вера Августовна смогла продолжаться как пианистка. А было ей уже за пятьдесят!

Много концертирует и гастролирует (Москва, Ленинград, Одесса, Омск, Свердловск, Новосибирск). Непрерывно сама заново делается.

Легендарная пианистка Мария Юдина говорила о ней как о яркой индивидуальности, ищущей, мятежной, волевой и добавляла: «...в ее игре не ощущалось ни малейшего утомления...». Сама жизнь для Веры Лотар-Шевченко означает не продолжение жизни, а интенсивность, напряженное ощущение себя живой. Ничего общего с просто порывом. Или — с профессионализмом. Когда все держится исключительно на мелких секретах ремесла. Как будто в них одно дело, а остальное все приложится. Не приложится! *Что-то узнать можно, только заплатив за узнавание ценой воображения и страдания.*

И вот прошлым декабром в Новосибирске две недели илет Междуна-

родный конкурс пианистов памяти Веры Лотар-Шевченко. Олег Аккуратов — один из участников конкурса.¹

Выдающийся французский пианист Паскаль Девуайон (председатель жюри) делает замечание: не надо было включать в программу слепого мальчика, будут не музыку слушать, а сочувствовать ему. Но едва Олег прикасается к роялю, становится ясно: он в музыке как дома. Играет сильно и свободно. Баха, Черни, Листа, Дебюсси, Моцарта, Шопена, Щедрина. Все (включая председателя жюри) потрясены. И без скидки на слепоту, о ней забыли.

Я встретился с Олегом Аккуратовым в аэропорту «Домодедово». Вместе со своими педагогами он только что прилетел из Краснодар, через несколько часов — самолет в Новосибирск.

Хорошо воспитанный, свободный, радостно открытый мальчик. И — какой-то очень взрослый.

¹ Учредители: Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, администрация Новосибирской области, Новосибирская государственная консерватория и другие.

P.S. В Новосибирске Олег Аккуратов занял второе место в Юношеском конкурсе. Но не расстроился. Очень яркие ребята участвовали в конкурсе: Филипп Копачевский из Москвы (первое место в Основном конкурсе), Константин Тюлькин из Екатеринбурга, Наталья Талдыкина из Новосибирска и другие. Эти выступления Олега впечатлили, их успех был и его личной радостью.

P.P.S. «Я когда стал играть Баха, сразу в него влюбился. В его полифонию, в его напряженную ассоциативность, в его многозначность и многослойность. И теперь всегда плачу, когда играю Баха», — признается Олег, смущенно улыбаясь.

На могильной плите Веры Августовны Лотар-Шевченко выбиты ее же слова: «Жизнь, в которой есть Бах, благословенна».

«Эта музыка так выросла», — объяснит потом мой друг. Потому что музыка «сама с тобою говорит», и всегда — о чем-то. И если относиться к ней серьезно, она не сообщает мысли, а дает мыслить. Отсюда — взрослость.

Олег и сам сочиняет музыку. И за роялем сидит каждый день, без выходных и каникул, иногда с семи утра до одиннадцати вечера. А с семи лет участвует в конкурсах — краевых, всероссийских и международных. И неизменно: Гран-при, первые или вторые места. Давал мастер-класс в Лондоне (в Королевской академии музыки), в Дюссельдорфе, Мюнхене.

Он любит путешествия, джаз и одноклассницу Юлю.

Юля — тоже слепая. («Мы дружим давно, с седьмого класса. Очень, очень талантливая девочка. Вместе музицируем, смотрим, то есть слушаем, фильмы, читаем (через СД-плеер) аудиокниги».) А джаз для Олега — это свобода, импровизация. И возможность сообщать не готовый, а «разворачивающийся смысл». (Заочно учился в Московском музыкальном государственном колледже джазового и эстрадного искусства, уже на третьем курсе, а в прошлом году в конкурсе «Рояль в джазе» в двух номинациях взял Гран-при и первое место.)

В Армавире Олега любят и опекают. (Особенно директор музыкальной школы Александра Кирилловна Куценко и педагоги Галина Николаевна Зырянова и Анна Юрьевна Кудряшова.) И опять же не в одноразовом порыве, а уже десять лет, изо дня в день, действительно, бескорыстно и неустанно.

Но вот скоро Олег закончит школу. И что дальше? Неужели — обрыв? Как устроится в жизни, где будет учиться, где работать?

Есть надежда: музыка не даст пропасть.

Она же — чудо. А чудо — за пределами отчаяния.

● Зоя ЕРОШОК